

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написала «Школонию» в 2018 году, за год до того, как меня взяли в АСТ.

Мы хотели издать ее сразу после «Воскресни за 40 дней» летом 2019, но без цензуры это было невозможно.

И вот спустя столько лет мы на финишной прямой. Хотя стиль письма у меня уже изменился, я не стала переделывать его в «Школонии». Для меня, как и в других случаях с изданием старых книг, было важно сохранить историю такой, какой она была когда-то. Но книга все равно прошла редактуру и корректуру.

Я прошу не воспринимать ее как новую, она старая, и даже очень. Мы издаем эту книгу для тех, кто ждал ее все эти годы.

Чем еще можно поделиться? На Wattpad эта книга получила, пожалуй, самые эмоциональные отзывы. Я не жду, что кто-то назовет эту историю своей любимой, лучшей и будет ее нахваливать. Она вызовет у вас противоречивые эмоции.

В этой книге изначально предполагались иллюстрации, но, к нашему сожалению, их нет. Зато они есть в альбоме «Школония» в моей группе ВК «мирай». Советую посмотреть их перед прочтением, если не боитесь спойлеров, или, наоборот, после.

Для новых читателей: без преувеличения предупреждаю, что это тяжелая история от первого лица. С ней вы не отдохнете, юмора и забавных моментов здесь практически нет. Есть травмированные подростки и юные преступники, которые хотят свободы и достойной жизни. Кто-то, возможно, ее получит, а кто-то нет.

ГЛАВА I

— До вечера, Сильвестр! Мы с Марком будем вас ждать!

Я не знал, сколько еще тысяч раз мне придется услышать наигранный противный голосок своей молодой сиделки, увидеть ее смазливое личико и испытать отвращение к этому лицемерному исчадию ада.

Отец машет мне на прощание, но я вижу лишь начало этого взмаха и только половину его светлого лица: все остальное загораживает костлявая кикимора.

Вот и сейчас она изобразит последнюю на сегодня милую улыбочку, взятую из огромной коллекции притворных гримас, закроет дверь на все замки, чтобы никто не стал свидетелем ее преступлений, и повернется ко мне с уже каменным лицом.

Да, так она и поступила. Я уже привык к такому сценарию. Порой наблюдать за этим было даже смешно. И как ей самой не надоело?

Сиделка Анита, строя недовольную рожу, будто ее заставили перетаскать сто бочек с вином, закатила меня в мою комнату, ближе к окну. С таким же измученным видом она наугад достала с полки книги и швырнула их на стол. Она предлагает мне эти книги уже сотый раз, и каждую из них

я знаю по памяти на десять с плюсом. Если бы я мог говорить, то пересказал бы их все без запинки и подглядываний. Но Бог не даровал мне способность говорить, как и способность ходить.

Я смотрел в окно, выходящее на двор и улицу. На то, как сверстники проходят мимо и презрительно смотрят на меня, наверняка думая: «Тупой неудачник».

Но я не считал себя таковым. У меня были заботливый папа, дом, море книг и много свободного времени, дабы фантазировать свою жизнь. Какой она была бы, умей я ходить. Каким я был бы, умей говорить.

Однажды я услышал за забором разговор двух мальчишек:

— А почему он не выходит на улицу? Болеет, что ли?

— У него вроде как ноги с рождения парализованы, и он их не чувствует.

— Разве возможно родиться с парализованными ногами?

— Не знаю, мне все равно. Давай быстрее! Там сейчас очередь в пиццерию нахлынет. Они же две пиццы по цене одной до обеда продают...

Я подкатил к выходу и слегка приоткрыл дверь, чтобы узнать, чем же сегодня утром займется моя горе-сиделка. С кухни слышалась неразборчивая болтовня диктора местных новостей. Наверное, опять кто-то кого-то убил или ограбил. Такие новости нам подавали на завтрак, обед и ужин.

Кстати об этом: я еще не завтракал. Анита могла покормить меня и после девяти, и после двенадцати, если вспомнит. Она пользовалась тем, что я не мог ничего рассказать отцу. Считала меня тугодумом, раз даже слово «папа» мне дается написать с трудом; думала, что я безвольная кукла, которую можно бросить на пол, растоптать и пойти дальше;

что у меня нет разума, и такие понятия, как обида, злость и боль, мне неведомы.

Я никогда не показывал Аните своих слез. Хотел, чтобы она просто считала меня предметом, уход за которым хорошо оплачивается. Стоит показать ей свою слабость, и она станет ко мне снисходительней. Но не из сострадания, а из страха, что однажды я расплачусь перед отцом, когда рядом будет стоять она, и буду биться в истерике, сжимая его ношеное пальто. Мне не нужна ее лицемерная жалость.

— Ой, Маш, знаешь, — слышал я с кухни вперемешку со звоном посуды, — меня так достала эта работа. Я ее просто ненавижу! Каждый день следить за этим дохляком, готовить его величеству еду, да еще и присматривать, чтобы не наделал в штаны. Просто ужасно! Ненавижу эту работу, хотя бабла отваливают прилично... Да, ты права, в этом Мухосранске нигде больше таких денег не сыщешь, только если проституткой работать, но это я уже пробовала. Контингент даже хуже, чем этот задохлик.

«Ненавижу, ненавижу, ненавижу...»

Я слышал это слово постоянно: утром, днем и вечером. И каждый раз мне хотелось прокричать его, адресуя сиделке Аните. Но все, что мне оставалось делать, — это просто закрыть дверь и вернуться к столику с книгами.

Итак, что тут у нас? На столе были разбросаны «Как приручить дракона», первая и восьмая части, «Одд и Ледяные великаны», «Хоббит» и книга, которую я читал постоянно, но ненавидел в душе, — «Мы, лишённые чувств». Если первые четыре я мог смаковать с удовольствием, отвлекаясь от обыденности и погружаясь в мир загадок и приключений, то в этой меня каждый раз ждало жесткое столкновение с реальностью. В ней были и дружба, неве-

домая мне, и любовь, в существование которой я не верил. Все эти понятия были для меня далеки: я не имел друзей — людей, неродных по крови, но готовых встать за меня горой.

Мне уже тринадцать лет, но я могу лишь рассуждать об этих понятиях.

Что такое дружба? Когда она приходит и когда уходит? И можно ли назвать дружбой ту связь, что после недолгого контакта исчезает, или она живет до самой смерти?

Я не знал. В книгах герои были неразлучны, как земля и луна, и не было конца их связи. А что же в реальности?

Отец никогда не рассказывал о своих друзьях, а мужчины в черных костюмчиках, что являлись к нам в дом, больше походили на людей, ищущих выгоды, а не дружбы. И сиделка Анита была из их числа.

Что же до любви... Ох, тема, больная абсолютно для всех. Каждый хоть раз переживал нечто, называемое этим красивым словом — «любовь». И в книгах она описана так сказочно и так волшебно, что диву даешься, думая: «Неужели люди могут быть настолько привязаны друг к другу? Настолько верны, что идут на обратную сторону жизни вслед за любимым человеком?». Звучит волшебно и оттого нереально.

Вы скажете: «А как же твоя любовь к отцу?» Я отвечу.

Любовь к отцу дана мне с первых дней жизни, как и любовь к матери, бросившей нас из-за моих отклонений. Я люблю ее за то, что дала мне жизнь, любовь эта безусловна. Понимаю, что на свете есть тысячи семей, благополучных только на людях. А дома они постоянно скандалят и еле терпят друг друга, вынужденные играть свои роли, лишь бы кто-нибудь не сказал про них чего-то дурного.

И если у дружбы пола нет, то есть ли пол у любви?

Я услышал за дверью знакомое ленивое шарканье тапочек, подошва которых была истерта почти до дыр. Дверь открылась. На пороге стояла, как всегда, мрачная Анита.

— Жрать подано. Выкатывать я тебя не стану, сам доберешься.

Я ни капельки не удивился такому «приглашению». Напряг свои тонкие руки и крутанул колеса вперед. Не сказать, что было тяжело делать это каждый раз, когда этой кикиморе лень. К своему весу я привык и к ногам, которые никогда не чувствовал, — тоже.

На персональном низеньком кухонном столе ждала яичница, из которой сочилось масло, снизу, судя по краям, она нехило подгорела. Анита поставила передо мной стакан молока так резко, что я дернулся от неожиданности, а молоко немного выплеснулось через край. Она поставила блюдо с парой кусочков свежего кукурузного хлеба — моего любимого. Не подумайте, что сиделка дала его мне потому, что я его люблю. Просто в доме другого не было.

После первого же кусочка яичницы я понял, что Анита, вероятно, выронила на сковородку все содержимое солонки. Едва ли случайно. Каждый последующий кусочек я заедал хлебом, а под конец запил все молоком.

Все это время Анита подпиливала свои ногти-когти, которые действительно походили на когти зверя — такие же черные и острые, любому глаз можно выколоть. Я исподлобья наблюдал за тем, как она перекидывает одну худую ногу на другую и наоборот, перебирает свои прямые каштановые волосы и поправляет малиновую майку. Она была красива снаружи, и как жаль, что уродлива внутри. Иногда я задумывался: совершала ли эта девица хоть раз в своей жизни добрый поступок? Типа подкармливания бездомного котенка.

ка или подачи милостыни несчастной старушке. Но, судя по высокомерному выражению ее лица, даже во время работы пилкой сострадание и доброта были для нее словами с другой планеты.

— Мы прерываем нашу передачу для экстренных новостей, — раздался голос диктора из висевшего в уголке старенького телевизора. — В *** неизвестные ограбили сувенирную лавку, предварительно избив хозяина — Михаила Ткаченко. По предварительным данным, Ткаченко находится в критическом состоянии. Врачи сообщают, что полученные травмы требуют длительного лечения. Есть версия, что это дело рук местной банды «ШМИТ». Сейчас нам показывают фото их главаря. — На экране появилось размытое фото мужчины в темной куртке. — А теперь к другим новостям...

Такие новости поступали почти каждый день и уже никого не трогали. Все давно привыкли.

Наш город и городом-то назвать сложно. Да, есть свое региональное телевидение, но шли по нему в основном новости, ненадолго прерывая передачи федерального ТВ. Жителей было от силы двадцать тысяч, судя по статистическим данным из местной газеты.

Для меня весь мир ограничивался моей комнатой и забором за окном. Папе он был выше пояса, а я из своего кресла почти ничего не видел за ним, только верхние этажи зданий неподалеку. Даже никогда не был в магазинчике, откуда отец приносил мой любимый кукурузный хлеб. И потому, конечно же, у меня не было друзей.

Когда я смотрел в окно, в миллионный раз разглядывая отделку зданий, и ждал, что мимо проедет хоть какая-то новая машина, которую я раньше не видел, желание ходить разгоралось все сильнее и сильнее.

Я не жаловался на жизнь Богу, хоть и верил в него всей душой, но как же обидно было осознавать, что я никогда не смогу стать таким, как все. Они гуляют по улицам, улыбаются, о чем-то болтают, строят планы, хотят построить свое счастье, не догадываясь, как много уже имеют — просто ходить и говорить. Беспрепятственно и легко.

Сегодня, в принципе, как и всегда, Анита оставила меня во дворе, а сама ушла в дом, держа в руках телефон и с кем-то переписываясь. Я остался наедине с собой, шумом листвы, редко подлетающими к крыльцу воробьями и надвигающейся непогодой. Ничто не мешало закатиться в дом по широкому бетонному спуску, который отец соорудил специально для меня. Но почему-то не хотелось.

Я склонился над коленями, стянул с себя носки и руками спустил ноги на траву. Делал это каждый раз, когда оставался во дворе один, в тайной надежде ощутить щекочущие травинки. Но всегда безуспешно. Я смотрел на свои худощавые ноги, обтянутые бледной кожей, и чувствовал себя уродом. Казалось, что на свете нет существа более жалкого, чем я — немой мальчишка, который не может ни писать, ни ходить. Как бы я ни старался приободриться при виде печальных глаз отца и его слабой улыбки, понимал, что все его слова поддержки пусты. Кто бы его самого поддержал — отца сына-инвалида. И кто бы знал, как мне хотелось сказать ему: «Спасибо, что ты со мной! Спасибо, что не оставил меня!» Кто бы знал, как душили меня слезы. Как я прятал свое несчастное лицо у него на плече, стараясь дышать ровно, чтобы он ничего не заметил. Я чувствовал, что он все понимает, но всегда старался казаться... нет, быть сильным. Отец поглаживал меня по голове, ничего не говоря. Перебирал мои рыжие, немного спутанные волосы и похлопывал по спине. Он никогда не обнимал меня крепко, словно боясь сломать.

Я видел в его глазах непонятный ужас, когда он после таких объятий брал мою маленькую руку в свою ладонь — широкую, мясистую, — наверняка осознавая, что будет меня опекать до конца своих дней. Или моих.

Странно, но меня никогда не посещала мысль о самоубийстве. Я точно знал, что должен жить. Не только ради отца, но и ради себя самого. Если Бог дал мне такую жизнь, значит, приготовил что-то взамен. И каждый день я ждал этой награды.

Во мне жила мечта увидеть мир. Отец никогда не выво-зил меня из дома, врачи всегда приходили сюда.

Прости, папа, но сегодня я сделаю то, от чего ты пытался меня уберечь, — выйду за пределы двора.

ГЛАВА 2

Надвигалась гроза. Мир резко потерял краски и поубавил мой энтузиазм. Я был в шортах, футболке и носках, поэтому прекрасно чувствовал, как холодный ветер проводит по рукам, как по коже бегут мурашки и вздрагивает тело.

Неслышно закрыл калитку, отдышался, сбрасывая груз «преступления» с плеч, чтобы хоть немного успокоиться.

Так вот как выглядит забор со стороны улицы — ржавый, с облезшей зеленой краской. Как смотрится мой дом — со стороны он такой маленький, — где остались тепло, книги и четыре стены комнаты, в уголок которой еще не поздно было забиться.

Ощущение было такое, будто меня обдали ледяной водой. Сердце усиленно колотилось в груди. Дыхание участилось. Я боялся, что в любую секунду из-за угла выйдет отец, уронит на землю бумажные пакеты с выпечкой и накинется с расспросами. Сильнее боялся лишь его разочарования и отношения к моему побегу сиделки Аниты. Если она заметит, что меня нет, то запрет в доме до конца дней, и я больше не увижу ничего, кроме забора и соседних домов.

Надо было уходить как можно скорее. Хоть я и знал, что по возвращении, вероятнее всего, ждут серьезные разборки, останавливаться не собирался.

Оглянулся. Дом был уже в десяти метрах от меня. Я свернул за угол и отдышался не столько оттого, что устал, а больше от жгучего волнения. Обернулся еще раз, ожидая увидеть нечто необычное, ради чего и затевал этот побег.

Но ничего особенного не произошло. По дорогам «плыли» все те же машины, которыми я налюбовался на годы вперед, сидя у окна; дома ничем не отличались от тех, что стоят перед моим. Даже улица и деревья не вызвали никаких эмоций. Страх быть пойманным смазал все впечатления.

Но было кое-что, что заставило сердце забиться чаще, — это люди вокруг. На улице их осталось немного. Все бежали прочь от надвигающегося дождя: в магазины, закулочные, к машинам. Мне хотелось остановить кого-то, заглянуть в его глаза, возможно вызвав недоумение, и сказать про себя: «Вот он, представитель внешнего мира». Но это были лишь мечты.

Мимо меня проскочили несколько человек. Едва удостоив меня взглядом, они спешили отвести глаза. Это стало первым разочарованием. Я понимал, что в нашем городе не осталось места учтивости и доброте. А если они и были, то люди их прятали, дабы не показаться слабыми. И почему люди боятся быть добрыми? Такие странные.

Во мне зародилась крохотная надежда встретить кого-то из детей и подружиться. С мальчиком или девочкой — неважно! Но за свой недолгий путь вдоль разбитых дорог и грязных обочин я не встретил ни одного ровесника. Сегодня воскресенье. Наверное, все сидят по домам. И это стало вторым разочарованием.

О чем вообще я думал? Даже если и встретил бы кого-то, они, как и взрослые, прошли бы мимо, будто нет никакого Марка, ожидающего милого взгляда, улыбки и пары теплых слов. С чего я вообще взял, что должен кому-то приглядеться? Я — калека, навечно прикованный к инвалидному

креслу. Мальчишка, который даже имени своего назвать не может. Какому ребенку с таким будет интересно?

Я медленно проезжал мимо проулка между двух пятиэтажек. Краем глаза заметил потасовку возле мусорных баков. Мучительные стоны, противный мужской смех и звуки ударов, что сыпались один за другим на почти бездыханное тело.

Ужас сковал меня невидимыми цепями. Я замер. Потребовалась доля секунды, чтобы осознать последствия своего обнаружения. Внутри все кричало: «Спасайся!» Но руки не слушались, словно чужие. В этот момент я понял, что чувствует кошка, замирающая перед приближающейся машиной, несмотря на все возможности спастись.

Их было четверо. Высокие мощные громилы, почти все в поношенных спортивных костюмах, пинавшие какого-то парня. Он уже почти не двигался, лишь вздрагивал, принимая очередной удар. Один смешок прерывался другим, пока кто-то не сказал:

— Обчисти его.

Второй довольно кивнул, опустил на колени и на удивление быстро скользнул ловкими руками во все карманы куртки и джинсов лежащего парня. Достал деньги, которые тут же с хрустом свернул и отдал первому громиле. Тот посчитал награбленное, заботливо положил их в карман и хлопал по нему.

— Негусто, но сойдет.

Вожак кивнул друзьям, и те дружно продолжили избивать свою жертву. Они не замечали... нет, просто игнорировали его несвязные мольбы о пощаде. И уж точно не сразу заметили, когда он прекратил реагировать на удары.

Я схватился за колеса, собираясь сбежать.

— Эй! — вскрикнул один из преступников. — А ты куда собрался?!

Я вздрогнул и оглянулся. Громилы оставили бездыханного парня и переключились на новый объект для издевательств — меня.

— Славный мальчишка... — прошептал мужчина, присвоивший себе деньги. Этот шепот я услышал отчетливо, как сладкое шипение змеи, готовящейся к броску.

Я попытался ретироваться. Катил колеса вперед так, как не делал этого ни разу в жизни. Не оглядываясь и не думая ни о чем другом, кроме как о бегстве. Страх заглушал все звуки вокруг.

Но вдруг коляска остановилась. Не по моей воле. Кресло не ехало. Даже когда услышал над собой тяжелое дыхание и учуял тяжелый запах мужского одеколona, я все еще отказывался верить, что меня поймали. Главарь сжимал спинку кресла жилистыми руками, на тыльной стороне правой ладони было вытатуировано «ШМИТ».

— Попался, красавчик! — победно сказал он и потащил кресло вместе со мной обратно в переулочек.

На это потребовались считанные секунды. Ожидание расправы было страшнее, чем сама расправа. Я никак не мог подготовиться к тому, что вот-вот должно было произойти. Тело тряслось, на глазах выступили слезы, и умей я говорить, начал бы молить отпустить меня и пополз бы домой.

Я кричал, но на улице не было видно людей, а если кто и слышал меня, то сам бежал подальше, ибо знал, что вмешиваться — себе дороже.

Не желая мириться со своей судьбой, я оттолкнулся от спинки кресла, подался вперед и упал. Протянутые вперед руки защитили лицо от встречи с асфальтом, но сами заныли от боли. Я до крови содрал локти, но пытался отползти от обидчиков. Преодолев всего жалкий метр, содрал еще и колени, но заметил это лишь тогда, когда предводитель